

Олеся Палинська
Университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург
olesya.palinska@uni-oldenburg.de

Герд Хентшель
Университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург
gerd.hentschel@uni-oldenburg.de

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УКРАИНСКО-РУССКОЙ СМЕШАННОЙ РЕЧИ (СУРЖИКА) И ВЛИЯНИЕ ДИАЛЕКТОВ: ПРИСТАВКИ И ПРЕДЛОГИ *VID* / *OT*

Słowa kluczowe: dwujęzyczność, niwelowanie dialektów, mieszanie kodów, „fused lects”, surżyk
Ключевые слова: двуязычие, диалектное выравнивание, смешение кодов, смешанные лекты, суржик
Keywords: bilingualism, dialect-levelling, code-mixing, fused lects, Surzhyk

1. Введение и цель

Так называемый «суржик», т.е. украинско-русская смешанная речь¹, стала объектом лингвистических исследований в последние два-три десятилетия.

¹ Слово *суржик* (в отношении к языковому явлению) интуитивно понятно всем носителям украинского языка. Длительное время ему приписывали негативные коннотации (ср. Stavyc'ka 2014), хотя в последнее время ситуация меняется (ср. Bilaniuk 2018). Ранее мы пользовались обозначением “УРСР”, т.е. украинско-русская смешанная речь, которое является стилистически нейтральным, но нас критиковали за “двузначность” сокращения. Итак, вернемся к употреблению слова *суржик*, подчеркивая, что мы употребляем термин нейтрально, без какой-либо коннотации. Более подробное описание феномена суржика

За это время образовалась определенная научная традиция, рассматривающая эту смешанную речь в разных аспектах, прежде всего с точки зрения особенностей функционирования и аттитюдов, реже – собственно языковых характеристик смешанного идиома (ср., напр., монографии Bilaniuk 2005; Bracki 2009; Del Gaudio 2010a; Masenko 2011, а также многочисленные статьи этих и мн. др. авторов). В большинстве случаев авторы делают свои выводы по поводу языковых особенностей суржика на основании нестрогого наблюдения или анализа достаточно ограниченного языкового материала. Преимущественно это записи телепрограмм или литературные тексты, реже – полевые заметки авторов. В последнем случае охватываются очень ограниченные ареалы в Украине (как в Del Gaudio 2010a). Такие наблюдения, несомненно, являлись важными на начальном этапе исследования суржика, который для миллионов украинцев является первичным разговорным кодом в языковом спектре Украины (ср. Hentschel, Zeller 2017). Данное исследование, как и только что процитированное, а также Hentschel, Taranenko (2015, 2021), Hentschel (2018), Hentschel, Palinska (2022b) и других упомянутых ниже авторов, основано на весьма обширном материале социолингвистических опросов в Украине (см. ниже)².

Общая проблема, которую предстоит решить в данном исследовании, заключается в следующем. Суржик, как известно, представляет собой смесь украинского и русского языков. Однако смешанная речь может содержать не только элементы «стандартных» языков, но и диалектные и разговорные элементы: о том, что украинский суржик содержит элементы украинских диалектов, упоминал в свое время Олекса Горбач, который считал, что языковую основу суржика составляют украинские говоры, которые под влиянием русского языка сформировались в городской суржик, компенсируя отсутствие

см. в Hentschel, Taranenko (2021). Безусловно, существует также смешанная речь на русской основе, но, в отличие от «классического» суржика на украинской базе, она является скорее спонтанным смешиванием кодов (см. Hentschel, Reuther 2020), которое у говорящих, переходящих, хотя бы частично, с русского на украинский, получило распространение только после обретения Украиной независимости в 1991 году. Такой короткий срок недостаточен для стабилизации в смысле *fused lect* (Auer 1999).

- 2 Следует также отметить ряд международных проектов, полностью или частично посвященных изучению языковой ситуации в Украине: *Language Policy in Ukraine: Anthropological, Linguistic and Further Perspectives* (INTAS, 2006–2009); *Region, Nation and Beyond. A Reconceptualisation of Ukraine* (Университет Санкт-Галлена, при поддержке Swiss National Science Foundation и Wolodymyr George Danyliw Foundation, 2012–2015); *Bi- and Multilingualism between Conflict Intensification and Conflict Resolution. Ethno-Linguistic Conflicts, Language Politics and Contact Situations in Post-Soviet Ukraine and Russia* (университет Гиссена в сотрудничестве с НАН Украины, при поддержке Volkswagen-Stiftung, 2016–2019). В этих и других исследованиях эмпирический подход не включает в себя структурный анализ языковых явлений, основанный на корпусе или же на экспериментальных данных.

городского сленга (Horbatsch 1988: 27). Сальваторе Дель Гаудио рассматривает диалектные элементы в суржике на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях (Del Gaudio 2010b). О наличии морфологических, (мор)фонологических и лексических диалектных элементов в суржике также упоминает Михаэль Мозер (Mozer 2016).

Усложнение вопроса об «ингредиентах» суржика, которому до сих пор уделялось мало внимания, возникает, когда определенные структурные явления в части украинских диалектов или наречий соответствуют русскому языку, особенно его литературной форме. Тогда возникает проблема различения, что является русским, а что диалектным украинским. Уже Татьяна Кузнецова в своей диссертации высказала предположение, что одни и те же формы в речи одного информанта являются диалектизмами, а в речи другого – это результат влияния русского языка (Kuznêcova 1999: 79–80), впоследствии такую точку зрения поддержали и другие украинские лингвисты (Bricin, Saplin, Trub 2011: 92).

Данное исследование посвящено именно этой проблеме: вопросу о том, как и в какой степени в таких случаях можно отличить влияния со стороны двух литературных языков, украинского и русского, или со стороны украинских диалектов, в данном случае, используя выбранный феномен предлога и приставки укр. від / од и русс. от. Поскольку мы предполагаем, что суржик (как и белорусская трасянка) выступает в качестве мезолекта (точнее, в качестве мезолекта с региональными различиями или в форме континуума региональных мезолектов – см. Hentschel, Palinska 2022a) между литературными языками и диалектами, следует ожидать различий в разных диалектных регионах, что необходимо продемонстрировать эмпирически. Исследование выполнено в рамках вариационной лингвистики, которая объединяет диалектные, социальные и контактные аспекты.

2. Методика исследования

Глубоким количественным исследованием, базирующимся на том же материале, что и данная статья, является работа (Hentschel, Palinska 2022a), посвященная формам инфинитива в суржике. В украинском литературном языке нормой является окончание /ti/, в русском (за исключением некоторых «неправильных») – окончание /t'/. Последняя также является маргинальной нормой украинского языка и изредка встречается в художественных текстах. Однако в украинских диалектах обе формы являются достаточно распространенными (ср. *Атлас української мови* – АУМ, карты I/250, II/235, III-1/57-58, III-2/70-71). Цитируемая работа анализирует распределение инфинитивных окончаний /ti ~ t'/, учитывая разные факторы – как структурные, так

и социобиографические. Упрощенно вывод можно сформулировать следующим образом: окончание инфинитива */-ti/* регулярно присутствует в суржике только в тех регионах, где оно встречается без исключения в диалектах. В регионах, где присутствует только */-t'/*, но и там, где встречаются оба (иногда даже с преобладанием */-ti/*), в суржике представлены почти исключительно */-t'/*: это явление диалектного выравнивания в мезолекте, что значительно упрощает изоглоссы двух окончаний инфинитива в ареале. Методологически данная работа является продолжением исследования инфинитива.

Данное исследование, как и посвященное инфинитиву, выполнено на основе обширных материалов (ср. Hentschel, Palinska 2022a, раздел 3), собранных в ходе трех исследовательских проектов³. На основе этих материалов был создан лингвистический корпус (далее – корпус УРСР⁴) объемом ок. 750 000 словоформ, состоящий из двух подкорпусов: Центр и Юг, каждый, в свою очередь, делится на семейный и интервью. Дальнейший анализ осуществлен на основе этих корпусных данных.

С использованием методов статистического анализа материал корпуса оценивается количественно и проверяется на многофакторные зависимости выбора между двумя «принципиальными» конкурирующими формами: те, которые начинаются на */v'i-/* (мы обозначаем их *VID*), или те, которые начинаются на */o-/*, *от*, см. ниже. Речь идет о феномене, который демонстрирует такую же конфигурацию, что и инфинитив: в литературном украинском языке нормой является предлог *від* / приставка *від*, в литературном русском это *от* / *от*. В украинских диалектах встречаются обе формы, но вторая со звонкой финалью *од* / *од*, т.е. /*od/*. Итак, это корпусное исследование также посвящено обзору общих результатов из исследования инфинитива, т.е. взаимодействия диалектов и литературных языков в мезолекте, на этот раз с использованием элементов словообразовательной морфологии или же синтаксического маркера.

3 (i) Проект *Вариативность и стабильность в смешанном субстандарте в широком и стабильном во времени языковом контакте: украинско-русская смешанная речь в Украине (2014–2019)* при поддержке Фонда Ф. Тиссена (Fritz-Thyssen-Stiftung), № 10.14.1.066, руководитель – проф. Герд Хентшель; (ii) *Флективно-морфологические нерегулярности в “актуальных” контактных языковых вариантах севернославянских языков (2009–2014)*, поддержанного Немецким научно-исследовательским обществом (Deutsche Forschungsgemeinschaft – DFG; HE 1566/12-1, AOBJ: 569162) (Variab.); также см. в Menzel, Hentschel (2017); (iii) Проект *Гибридизация с двух сторон: украинско-русская и русско-украинская смешанная речь в контексте (социо)лингвистической ситуации на юге Украины вдоль побережья Черного моря* (с 2019) при поддержке Немецкого научно-исследовательского общества и австрийского фонда FWF – der Wissenschaftsfond (HE 1566/17-1 / AOBJ: 661263) под руководством проф. Г. Хентшеля (Ольденбург, Германия) и проф. Т. Ройтера (Клагенфурт, Австрия) (Hybrid.).

4 В названии корпуса здесь и в дальнейшем мы используем сокращение УРСР (украинско-русская смешанная речь).

В Табл. 1 подробно представлены принципы классификации исследуемых элементов.

Таблица 1. «Этимологическая» классификация предлогов / приставок

Фонетические варианты	Следующая фонема	«Этимологическая» классификация	Пример	Примечание
ot, at	гласная, сонорная ⁵	‘русские’ (р)	ot úlady at ulicy atnjat’	однозначно русские (невозможно объяснить ассимиляцией, исходя из укр. диалектных форм)
ot, at, oč, oc’	глухая согласная	‘неопределенные’ (н)	ot kul’tury atxody oc’ cjoħo oč’ čjaju	общие для русского литературного и некоторых укр. диалектов с учетом возможной ассимиляции и фонетической вариации (аканье/оканье)
od, ad	звонкая согласная	‘неопределенные’ (н)	od druhyx ad bit’	все случаи с протетическим согласным и звонким согласным в конце (либо глухим, который можно объяснить ассимиляцией)
vid, vič, vic’	любая	‘украинские’ (у)	vidokrem- -leni vic’ cjoħo vič’ čjoħo	
od, ad	гласная, сонорная	‘диал. укр.’ (ду)	od instituta od votky	диалектные украинские формы
vit	гласная, сонорная	‘гибридные’ (г)	vit ljudyny	совмещают ‘украинское’ наличие согласного в начале с ‘русским’ глухим согласным в конце, который нельзя объяснить ассимиляцией ⁶
vit	глухая согласная	‘украинские’ (у)	vitkryty	глухой согласный в конце как результат ассимиляции

5 К сонорным относим также /v/ в русских словах. Известно, что русс. /v/ в плане ассимиляции по звонкости / глухости пассивно ведет себя как шумный звук (обструэнт), т.е. ассимилируется, но активно не вызывает ассимиляции по звонкости (как сонорный).

6 Эти случаи крайне редки (три на весь корпус), и мы их игнорируем.

С целью упрощенного представления классификации в тексте мы будем использовать следующие обозначения: *vid* – для ‘украинских’ форм с протетическим согласным и возможными разными реализациями финального согласного; *ot* – для ‘русских’ форм; *od* – для ‘диалектных украинских’; если происхождение формы нельзя определить однозначно, используем обозначение *ot/d* в значении ‘русская или диалектная украинская форма без протетического согласного’.

Конечно, территориальное распределение этих форм предлогов / приставок в украинском диалектном континууме не такое, как для двух форм инфинитива, т.е. изоглоссы проходят по-другому. Кроме того, возникает вопрос, является ли одинаковой или похожей для обоих явлений зависимость употребления той или иной формы от других характеристик, прежде всего социобиографических.

3. Распределение форм исследуемых предлогов и приставок в корпусе УРСР и в украинских диалектах

В корпусе УРСР зафиксировано 1425 словоформ с исследуемыми приставками, а также 528 соответствующих предлогов⁷. Исходя из представленной классификации, приставки распределяются количественно следующим образом:

Таблица 2. Общее распределение приставок и предлогов в корпусе

	<i>VID</i>		<i>OT</i>	
	<i>vid</i>	<i>ot</i>	<i>ot/d</i>	<i>od</i>
приставка	27%	18%	33%	22%
предлог	20%	29%	43%	7%
	‘украинские’	‘русские’	‘неопределенные’	‘диалектные украинские’

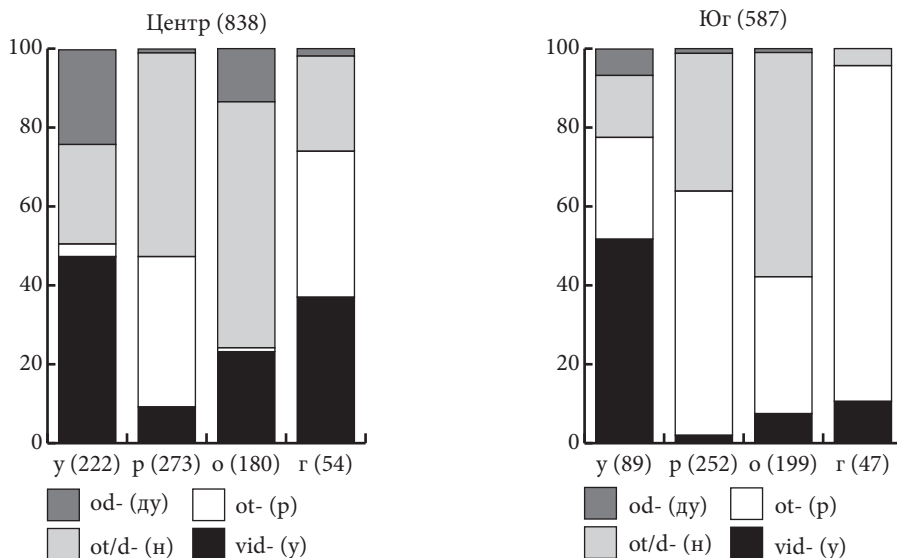
Таким образом, явное большинство соответствующих приставок и предлогов отклоняются по форме от стандартной нормы украинского языка. Если мы различаем по двум основным абстрактным формам *vid* vs. *ot*, последняя преобладает в ок. 75% случаев.

7 В анализе учтены только словоформы из «гибридных» высказываний, то есть таких, где одновременно присутствуют и украинские, и русские (либо гибридные) элементы. С целью корректного сопоставления для Южного подкорпуса также исключены данные, полученные в сельской местности, так как в Центральном корпусе записи в селах не производились.

3.1. Морфолого-этимологическая конгруэнтность

Уже Менцель и Хентшель (Menzel, Hentschel 2015: 144) указали на тенденцию, согласно которой аффинитет с основой / корнем ('украинский', 'русский', 'общий', 'гибридный') играет значительную роль в предпочтении окончаний. Эта же тенденция описана для словообразовательных аффиксов в (Grečko, Palinska 2019). Результаты для двух исследуемых регионов представлены в Диаграмме 1.

Диаграмма 1. Приставки и корни по исследуемым регионам

Видно, что аффинитет между корнем и приставкой играет немаловажную роль и в выборе исследуемых приставок, а именно:

- (1) С 'украинскими' корнями (левый столбец в диаграммах) примерно в половине случаев используются 'украинские' приставки (*vid*) – как в Центре, так и на Юге. 'Русских' приставок (*ot*) почти не зафиксировано. Вторая половина – это либо 'неопределенные' приставки (*ot/d*), либо те, которые однозначно идентифицируются как 'украинские диалектные' (*od*). Примечательно, что последние заметно представлены только в центре.
- (2) В случае 'русских' корней (вторые слева) предпочтение аналогичное, но оно имеет существенные региональные различия: *ot* используются в 38 % случаев в Центре и 62 % на Юге. Опять же, есть многочисленные случаи использования *ot/d*: 52% в Центре и 35% на Юге. 'Украинское' *від* представлено здесь в Центре в 9%, на Юге только в 2%, диалектное *od* практически отсутствует.

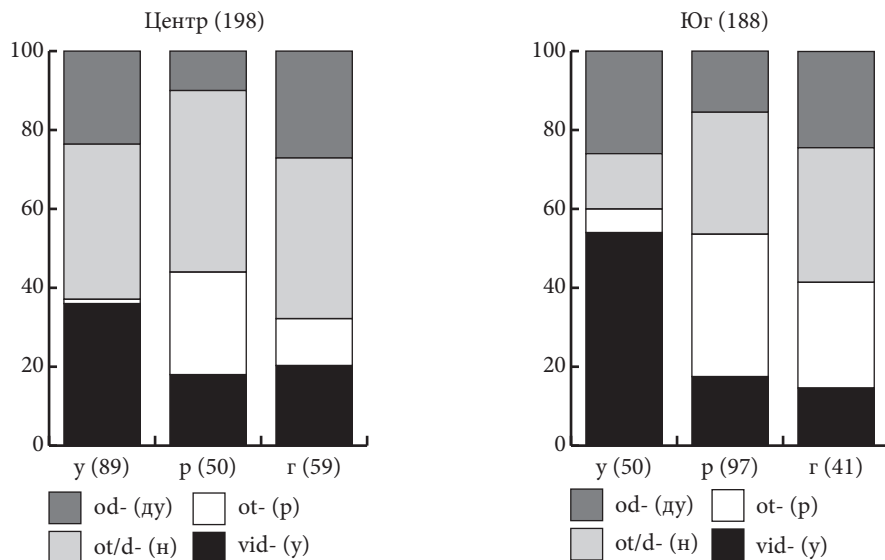
- (3) 'Общие' корни (вторые справа) встречаются на Юге и (еще больше) в Центре преимущественно с 'неопределенным' *ot/d*. 'Русское' *ot* встречается только на Юге, 'украинско-диалектное' *od* только в Центре, случаи *vid* составляют 22% в Центре и 9% на Юге.
- (4) 'Гибридные' корни (правые столбцы) встречаются в корпусе достаточно редко, чаще всего это 'русские' корни, в которых под влиянием украинского произошли некоторые изменения, имеющие, однако, фонологическую природу, а не только фонетическую. В сочетании с исследуемыми приставками используются прежде всего такие слова, а также их варианты и производные: <vidnosyc'sja> (ср. русс. относиться, укр. ставитися / належати), <oddyxnut'> (русс. отдохнуть, укр. відпочити) <otvityt'> (русс. ответить, укр. відповісти). В Центре они встречаются с *vid*, *ot*, *ot/d* примерно в равных долях, на Юге отчетливо преобладают *ot*.

Важным здесь является также распределение корней. В Центре 'русских' корней лишь немногим больше, чем 'украинских'. На Юге первые встречаются в три раза чаще, чем вторые. Количественное соотношение 'общих' и 'гибридных' основ одинаково в обоих регионах. И это, и частота встречаемости различных типов приставок очень явно указывают на гораздо более сильное влияние русского языка в суржике на Юге.

Также рассмотрим предлоги *vid* / *ot* в синтагматическом, тут синтаксическом контексте. В то время как в случае приставок необходимо учитывать роль правостороннего ко-текста, то есть корневой морфемы, предлоги часто находятся в двусторонних отношениях. С одной стороны, здесь мог играть роль и правосторонний ко-текст, т. е. существительное, местоимение и т.д., который регулируется предлогом в падеже. Таким образом, можно было бы предположить, что укр. *vid* скорее ассоциируется с украинским существительным или местоимением, а рус. *ot* – с русским и т. д. Проверка этого момента не обнаружила статистически значимой связи (мы воздерживаемся здесь от иллюстрирования этого в цифрах). С другой стороны, для многих случаев использования предлогов также существует зависимость от управляющего элемента. Особенно это касается так называемых управляемых предлогов, ср. укр. залежати від / русс. зависеть от. Привязка предлога становится еще «ближе», если есть приставка в такой же форме, ср. укр. відрізнятися від / русс. отличаться от. Эти управляющие ко-тексты условно называются здесь «левосторонними», хотя на «поверхностном» синтаксическом уровне в таких языках, как славянские, т.е. при относительно свободной последовательности составляющих в предложении, он не обязательно должен быть слева от предлога. При других, так называемых лексико-семантических употреблении предлогов (например, каузальных типа укр. плакати від щастя / русс. плакать от счастья), этот аспект не играет роли. Последние не учитываются при количественном анализе.

«Левосторонний» ко-текст очевидным образом соотносится с использованием *vid* / *от*, как показано на Диаграмме 2:

Диаграмма 2. Предлоги и «левосторонний» ко-текст по исследуемым регионам

‘Общие’ «левосторонние» ко-тексты встречаются редко (в каждом случае их количество меньше десяти), поэтому они были исключены. Здесь важны следующие наблюдения: во-первых, ‘русское’ *от* не встречается с ‘украинскими’ «левосторонними» ко-текстами, а только с ‘русскими’ и (в меньшей степени) ‘гибридными’ ко-текстами. Во-вторых, ‘украинское’ *вид* встречается со всеми тремя ко-текстами, но с ‘украинским’ почти в два раза чаще, чем с ‘русским’ и ‘гибридным’.

Таким образом, «морфолого-этимологическая конгруэнтность» с большой вероятностью является существенным фактором в распределении отдельных вариантов противопоставления *vid* / *от*, но, по-видимому, не единственным.

3.2. Диалектная привязка (на историческом фоне)

Для дальнейшего уточнения природы этих отличий рассмотрим варианты приставки и предлога в украинских диалектах. Особый интерес здесь представляет наличие или отсутствие протетического согласного. Кроме того, кратко следует коснуться исторического развития функционального дублета.

Согласно АУМ (т. I: карта 269; т. II: карта 251), в украинских говорах существует ряд реализаций как с протетическим согласным, так и без него –

від, год, од и *ад*. В диалектном контексте важно только наличие / отсутствие протетического согласного. Ассимиляция финали по глухости перед глухими согласными (не отображенная в АУМ) возможна в юго-западных диалектах (Bevzenko 1980: 67), в отличие от литературного языка и других диалектных групп, где они в так называемой «слабой позиции» сохраняют звонкость, хотя и могут иногда произноситься приглушенно (Žilko 1955: 161).

Что касается наличия или отсутствия протетического /v/⁸ в диалектах украинского языка, то его распространение, согласно (Žovtobrûh, Rusanivs'kij, Sklârenko 1979: 284–285), можно описать следующим образом:

- *від* характерен для юго-западной группы диалектов, в корпусе УРСР это Винницкая, Хмельницкая и юг Житомирской обл.;
- *од* преобладает в северных говорах, для которых характерно употребление этимологического /o/ в новых закрытых слогах (в корпусе: Житомирская, север Киевской, Черниговская и Сумская обл.).

Что же касается юго-восточного диалектного ареала, то здесь употребляются оба варианта. Во входящих в корпус регионах, в частности, на севере и западе Полтавской области, на юго-востоке Киевской, на востоке Черкасской и некоторых других используется *од*, на востоке Полтавской, в Харьковской и в новонаселенных регионах юга Украины распространены оба варианта – *від* и *од* (ibid.: 283).

Диалектные особенности использования исследуемых предлогов и приставок в пунктах сбора языкового материала для корпуса УРСР представлены на Карте 1. Для определения диалектного типа были приняты во внимание данные АУМ по населенным пунктам, в которых проводилось наше исследование, а также по соседним пунктам, находящимся в непосредственной близости. Таким образом было определено, где используется только один тип приставок / предлогов (*від!* либо *од!*), где один из типов является предпочтительным (*від*> или *од*>) или же где они соотносятся примерно в равных долях (*від*=*од*). Данные для юго-восточного региона в АУМ III отсутствуют, поэтому в дальнейшем количественном анализе в этой части исследуемого региона, конечно же, мы не можем принимать во внимание роль диалектов.

8 Мы не рассматриваем здесь формы с протетическим *z*, т.е. /h/, поскольку они, согласно (АУМ), встречаются очень редко и в основном в регионах, не входящих в исследование, а также вообще не были зафиксированы в нашем корпусе.

Карта 1. Диалектные особенности исследуемого региона (согласно АУМ, карты I/269, II/251)⁹.

Исторически обе формы сосуществуют длительное время. Письменные памятники XIV – XVIII вв. преимущественно фиксируют вариант *от(ѣ)*, в том числе и с озвонченным согласным *од(ѣ)*, значительно реже – вариант *въд(ѣ)*, что соответствует сегодняшнему *від*, а грамматика Алексея Павловского (1818) фиксирует оба варианта: *одлыга, відъ морозу* (*Žovtobrûh, Rusanivs'kij, Sklârenko* 1979: 284). Еще в начале XX в. существовала орфоэпическая рекомендация использовать предлог / приставку *від*, если предыдущее слово заканчивается на гласный, и *од* (т.е. со стабилизированной фонемой /d/) – если на согласный (Simovič 1918: 46). Таким образом в тогда еще сравнительно молодом новом литературном украинском языке хотели нормативно предписать использование этих двух форм как позиционных вариантов. Позже от этой дифференциации отказались, указывая предлоги *від* / *од* просто как свободные варианты, без какого-либо отличия в значении и независимо от звукового окружения (ср. *Žovtobrûh, Kulik* 1965: 398).

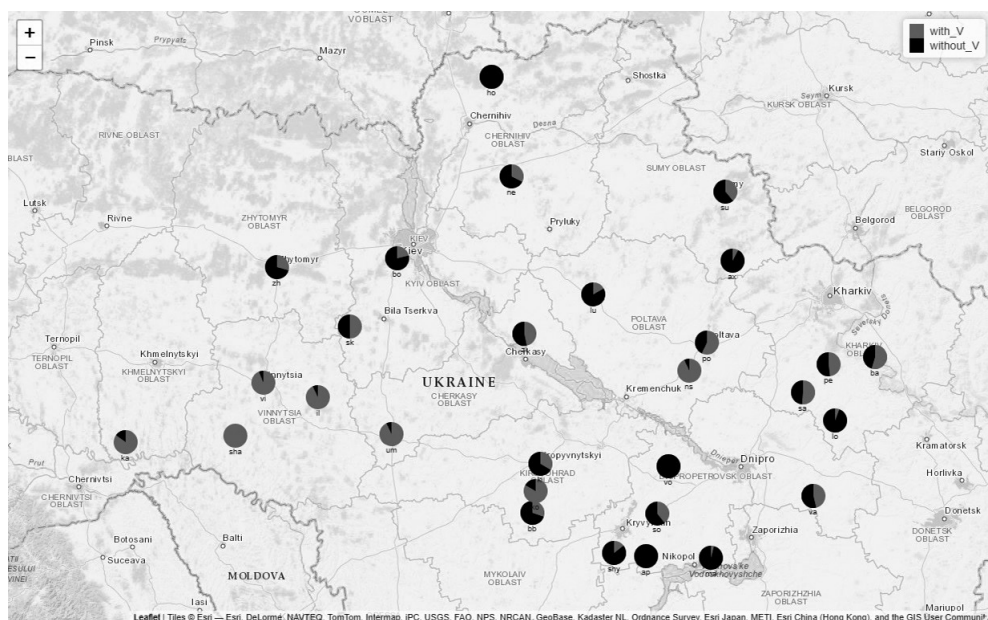
Корпусные данные современного украинского языка отдают предпочтение форме с протетическим согласным: предлог *від* встречается в 20 раз чаще, чем

⁹ Карта создана при помощи сервиса My Maps от Google.

од, а именно 2684 vs. 117 на миллион словоупотреблений в корпусе украинского языка (ГРАК). При этом сравнение корпусных данных по годам (начиная с 1820) демонстрирует динамику использования этих форм: если в XIX в. обе формы употреблялись примерно с одинаковой частотой, то уже после 1912 г. преобладание формы с протетическим согласным становится однозначным и со временем только усиливается. С 1920–1930-х годов *од* количественно является лишь маргинальным явлением в письменном языке. Согласно контекстам в корпусе ГРАК, предлоги *од* используются в современных текстах в основном как стилистически маркированные: это либо поэтическая речь, либо художественная проза, либо цитаты из фольклорных материалов, для отражения диалектной речи; в нейтральных современных контекстах используется практически исключительно форма *від*.

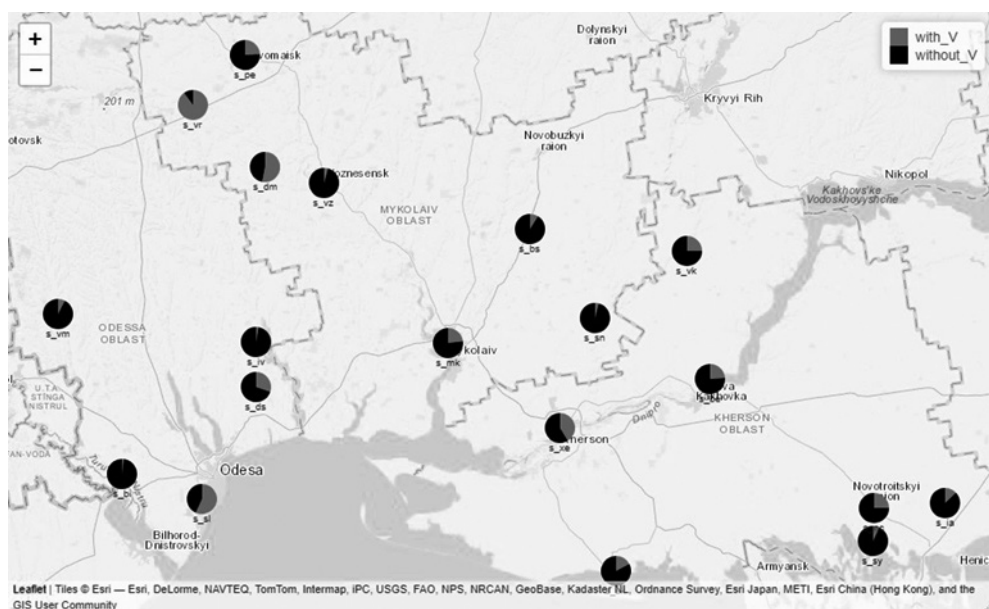
Таким образом, элементы без протетического согласного имеют тройную природу: это могут быть либо русские элементы, либо диалектные украинские, либо периферийные элементы украинской нормы. Третью из этих возможностей мы не рассматриваем в исследовании, поскольку ни в интервью, ни в спонтанных семейных разговорах не используется или, точнее, не проявляется поэтическая или книжная речь, которой присущи эти формы.

Если сравнить распределение приставок и предлогов *від* / *от* по местам сбора материала для корпуса УРСР (Карта 2 а / б) и диалектные особенности региона (Карта 1), можно заметить ряд закономерностей. Так, в населенных пунктах, расположенных на юго-западе (Каменец-Подольский, Шаргород, Винница, Ильинцы, Умань), в большинстве случаев используются формы с протетическим согласным, характерные для диалектов данного региона; на севере (Городня) зафиксированы исключительно формы без /v/, что полностью соответствует полесским диалектам. В других регионах распределение *від* / *от* в суржике только в ограниченном объеме отражает диалектный фон.

Карта 2. Распределение форм *vid* / *ot* в корпусе УРСР¹⁰

а. Центральный регион

б. Южный регион

¹⁰ Карты созданы при помощи пакетов *leaflet* и *leaflet.minicharts* для R (RStudio Team 2020).

Далее мы определим при помощи кластерного анализа (с использованием SPSS 26), какие комбинации исследуемых элементов могут лежать в основе группировки пунктов сбора материала (кластеров), что, в свою очередь, даст возможность сравнить эти кластеры с диалектными типами. Кластеры – это подмножества, которые с точки зрения использования соответствующих приставок и предлогов максимально однородны между собой и максимально отличаются от других подмножеств. Количество кластеризуемых элементов – 21 населенный пункт (исключаем все пункты на юге и востоке, не отображенные в AUM, т.е. те, для которых нет информации о *від* / *од* в диалектах). Соответствующий метод при таком количестве – это иерархический кластерный анализ (Bühl 2019: 635–695). В соответствии с логическими соображениями можно было бы определить пять кластеров, соответствующих количеству и конфигурации диалектных типов. Тем не менее, оптимальное количество на основании анализа составили три кластера (Табл. 3). Если общее количество наблюдений меньше 20, эти места в таблице 1 выделены курсивом. В таких случаях интерпретировать отдельные населенные пункты сложно.

Таблица 3. Кластеры пунктов сбора информации на основании соотношения использования элементов *від* / *от*.

Город	Область	<i>від</i>	<i>от</i>	Диал. тип	Доля <i>від</i>	Кластер №
Городня (ho)	Черниговская	0	63	од!	0,00	1
Вольногорск (vo)	Днепропетровская	0	4	од>	0,00	1
Лубны (lu)	Полтавская	6	139	од>	4,14	1
Охтырка (ax)	Сумская	1	12	від>	7,69	1
Житомир (zh)	Житомирская	17	41	від>	29,31	2
Бобринец (bb)	Кировоградская	3	7	від=од	30,00	2
Нежин (ne)	Черниговская	11	23	од!	32,35	2
Кропивницкий (ki)	Кировоградская	13	26	від=од	33,33	2
Боярка (bo)	Киевская	45	77	від>	36,89	2
Сумы (su)	Сумская	24	38	від=од	38,71	2
Софиевка (so)	Днепропетровская	17	26	від>	39,53	2
Золотоноша (zi)	Черкасская	22	25	від>	46,81	2
Сквыра (sk)	Киевская	1	1	од>	50,00	2
Полтава (po)	Полтавская	8	6	від!	57,14	2
Компаниевка (ko)	Кировоградская	5	1	від=од	83,33	3
Каменец-Подольский (ka)	Хмельницкая	101	18	від!	84,87	3

Город	Область	VID	OT	Диал. тип	Доля VID	Кластер №
Новые Санжары (<i>ns</i>)	Полтавская	13	1	від!	92,86	3
Умань (<i>um</i>)	Черкасская	105	8	від!	92,92	3
Винница (<i>vi</i>)	Винницкая	30	2	від!	93,75	3
Иллины (<i>il</i>)	Винницкая	14	0	від!	100,00	3
Шаргород (<i>sha</i>)	Винницкая	30	0	від!	100,00	3

Три определенных в результате анализа кластера показывают следующие значения доли VID:

- Кластер № 1: от 0 до 8% – почти полное отсутствие VID;
- Кластер № 2: от 30 до 57% – примерно равное количество VID и OT;
- Кластер № 3: от 83 до 100% – преимущественно VID.

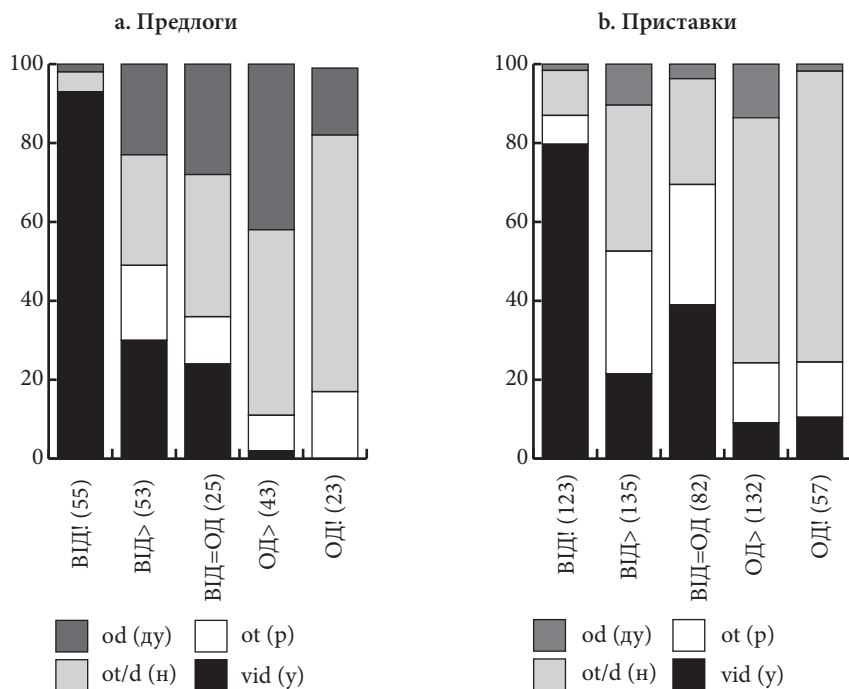
Эти кластеры явно отличаются скачкообразно. Прежде всего кластеры № 1 и № 3 соотносятся с диалектными типами соответствующей местности, причем для кластера № 3 это практически абсолютное совпадение с диалектным типом від!, а для кластера № 1 – с типом од! либо од>. Кластер № 2 в плане соотношения с диалектными типами является несколько неоднородным. Конечно, для некоторых мест доступно очень мало наблюдений (в силу разных причин в лингвистическую базу данных иногда были включены лишь небольшие фрагменты интервью), поэтому на определение кластера может повлиять случайность.

В целом такие результаты вполне согласуются с моделями диалектного распределения: кластер № 3 представляет диалектную норму, соответствующую литературной украинской. В кластере № 2 комбинируются места с соотношением обоих диалектных вариантов в разных пропорциях, кластер № 1 в большинстве соответствует диалектным украинским формам без протетического согласного. Вместе с тем *vid* может иметь как диалектное, так и литературное происхождение, поэтому следует сопоставить это распределение с тем, как часто говорящие на территории исследуемого региона используют каждый из трех кодов (украинский, русский и смешанный) – конечно же, имея при этом в виду, что украинский и смешанный могут содержать диалектные элементы.

По поводу кластера № 3 следует отметить еще одно: за одним исключением (в котором всего 6 примеров), все пункты из диалектного типа від! находятся в ареале, для которого Хентшель и Тараненко (Hentschel, Taranenko 2021) описали отчетливое преобладание украинского по сравнению с русским и суржиком. Это означает, что существует не только четкая мотивация использования *vid* из-за диалектной подоплеки, но и из-за наличия украинского языка на уровне литературного. В кластерах № 1 и № 2 этого нет.

В целом кластерный анализ подтверждает связь использования исследуемых элементов с диалектным типом местности. Следующие диаграммы иллюстрируют частоты четырех отдельных вариантов, то есть *vid* / *vid* или же *ot*, *ot/d*, *od*, которые были обобщенно представлены в кластерном анализе как «гипервариант» *от*:

Диаграмма 3. Распределение форм *vid* / *от* из корпуса УРСР по диалектным регионам в большей части центра Украины

Конечно же, здесь могли быть учтены только те места проведения исследования, для которых украинская диалектология уточнила распределение вариантов приставки или предлога, то есть Юго-восток здесь не учитывается. Кроме того, следует отметить, что южные территории (современные Одесская, Николаевская и Херсонская области) не были заселены украинцами и русскими до конца XVIII в. и что в последующий длительный период сюда осуществлялась интенсивная иммиграция. Итак, строго говоря, здесь (за исключением северной части Одесской области) нет автохтонных диалектов.

На Диагр. 3 а/б видно, что в областях, где в диалектах присутствует только *vid* (диалектная область *vid!*), количественно преобладает *vid* со значениями от 80 до 90%. Варианты, обобщенные как *от*, играют здесь только периферийную роль. Совершенно иначе обстоит дело в диалектных областях, где *vid* не имеет исключительного характера в диалектной речи. В случае с предлогами

пропорция непрерывно падает в зависимости от наличия *vid* в диалектной среде, то есть *vid* > *vid*=од > од > од!. С приставками это не так континуально (из этого порядка выпадает *vid*=од, но незначительно), но в целом тенденция сохраняется. Единственное, что можно сказать о трех подвариантах *от*, это то, что диалектный *od* преобладает в предложениях сильнее, чем в приставках. По-видимому, это связано с тем, что приставки более тесно связаны с корнем, а лексика в суржике сильно сближена с литературными языками, если только речь не идет об обозначении реалий деревенской жизни. Здесь также работает принцип «морфолого-этимологической конгруэнтности». Частота *ot/d* зависит от частотности фонологического контекста, который здесь носит случайный характер. В любом случае, количественное соотношение трех подвариантов *от* можно считать скорее случайной констелляцией, поскольку звуковое различие между 'диалектным украинским' *od* и 'русским' *ot* невелико. Вышеописанную связь с диалектными условиями в украинском языке мы назовем «принципом диалектной связи».

3.3. Многофакторный анализ. Проверка представленных результатов

Принцип диалектной связи не объясняет весь объем варьирования между *vid* и *от* в суржике. То же самое мы установили выше для столь же четкой зависимости встречаемости *vid* и *от* от принципа морфолого-этимологической конгруэнтности. Обе обусловленности чаще всего уже были видны почти «невооруженным глазом» при просмотре материала. При более глубоком статистическом анализе эти два принципа должны быть проверены. Данные, описанные выше в диаграммах, представляют простые (двухмерные) статистические сопоставления относительных или абсолютных частот. Для более надежного анализа следует проверить взаимозависимости этих двух принципов между собой и с разными другими переменными, которые могут иметь влияние на распространение исследуемых элементов.

Помимо двух упомянутых принципов, многофакторный анализ должен также включать следующие аспекты¹¹:

(a) возраст, (b) пол, (c) образование, (d) размер населенного пункта (тип места проживания респондентов), (e) первый язык, то есть код, с которым человек рос в детстве, (f) родной язык, скорее как задекларированная символическая величина, (g) регионы, то есть представленность трех кодов в областях (согласно Hentschel, Taranenko 2021).

11 Мы воздерживаемся здесь от подробных гипотез относительно того, почему эти аспекты должны иметь особое значение. Это уже было продемонстрировано в ряде исследований, ср. Hentschel, Zeller (2017); см. также: Hentschel, Palinska 2022a по отношению к инфинитиву.

Учитывая эти принципы и аспекты¹², было проведено два типа многофакторного анализа: ANOVA и анализ обобщенной линейной смешанной модели (GLMM). При помощи ANOVA и GLMM было проанализировано, какие именно из этих независимых переменных действительно играют роль в распределении исследуемых элементов, т.е. зависимой переменной, или же их количественная взаимосвязь является эпифеноменом другой взаимосвязи.

Не представляя упомянутый числовой материал в целом, т. е. называя лишь наиболее важные значения, можно в общем констатировать, что два изложенных выше принципа являются на сегодняшний день наиболее важными независимыми переменными, которым следует распределение *vid / от*.

(A) В случае приставок решающим с большим отрывом является (а) морфолого-этимологическая конгруэнтность, здесь между приставкой и корнем ($\chi^2=63,21$, $df\ 3$, $p<0,001$ в Центре; $\chi^2=66,65$, $df\ 3$, $p<0,001$ на Юге). Только в Центре (поскольку, как уже было сказано, на Юге нет соответствующих диалектологических данных) так же сильно проявляется (б) диалектная связь ($\chi^2=34,15$, $df\ 4$, $p<0,001$).

(B) В случае предлогов в Центре диалектная связь является решающей независимой переменной ($\chi^2=26,94$, $df\ 4$, $p<0,001$). На Юге же, где информация о диалектном базисе отсутствует, морфолого-этимологическая конгруэнтность, т. е. здесь между предлогом и управляющей словоформой¹³, является единственной независимой переменной со статистически значимыми значениями ($\chi^2=7,97$, $df\ 3$, $p<0,05$). Однако здесь соответствующее измеряемое значение (χ^2) «хуже» (здесь: ниже), как и уровень значимости (здесь: выше). Тот же принцип действует и в Центре. В то время как другие контролируемые независимые переменные вообще не играют роли, здесь достигается ее слабая значимость ($p<0,1$). С другой стороны, тот факт, что эта переменная показывает сигнификантные значения на Юге, должен объясняться тем, что здесь нельзя было контролировать более важную переменную, диалектную привязку. Это оказалось актуальным не только для *vid / от* в Центре, но и для окончаний инфинитива в Центре и на Юге.

Тот факт, что морфолого-этимологическая конгруэнтность в предлогах играет гораздо меньшую роль, чем в приставках (и инфинитивных окончаниях), конечно, объясняется более слабой синтагматической когезией. Другие элементы могут появляться между предлогом и управляющими словоформами, и порядок не является абсолютно фиксированным, даже если левое

12 Также для GLMM была учтена случайная переменная «респондент».

13 Здесь были исключены темпоральные, локальные и каузальные предлоги, потому что в этих строго семантических употреблениях предлогов здесь отсутствуют синтаксически управляющие словоформы (в основном глаголы), а также те, которые входят в состав фразеологизмов и именных групп.

положение управляющей словоформы является нормальным случаем. Следует лишь мимоходом упомянуть, что некоторые другие независимые переменные по крайней мере приближаются к сигнификантным значениям. Так обстоит дело, например, в случае приставок с возрастом респондентов на Юге, где у более молодых обнаруживается повышенная доля явно 'русского' варианта *ot-*. Или: снова с приставками, но уже в Центре, где, например, для явно 'украинского' варианта *vid-* определены повышенные значения, с одной стороны, среди респондентов с высшим образованием, а с другой – с начальным образованием, но не среди тех, кто закончил профессиональное училище. В этих случаях речь идет о социально-биографической специфике, которая, пожалуй, может быть выяснена при анализе отдельных языковых биографий. Из-за их избирательного и нерегулярного возникновения и слабой выраженности ими можно пренебречь, в отличие от двух основных критериев зависимости для *vid* и *ot*.¹⁴ Рассчитанные модели (GLMM), которые, конечно, в решающей степени определяются независимыми переменными с сигнификантными значениями, объясняют высокую долю вариации между *vid* и *ot*, по крайней мере, в трех четвертях анализируемых случаев.¹⁵

4. Выводы

В представленном исследовании речь шла о распространении двух основных вариантов (в абстрактном плане) омонимических и этимологически связанных элементов, приставки и предлога: с одной стороны укр. *vid*, как в современном литературном украинском и во многих диалектах, с другой стороны русс. *ot* и очень похожее по фонологическому строению укр.-диал. *od*. Сходство между двумя последними выражается не в последнюю очередь в том, что во многих фонологических контекстах их невозможно различить из-за ассимиляции по звонкости / глухости. Это явление, исследуемое здесь, является одним из ряда случаев, когда некоторые украинские диалекты демонстрируют определенные структурные черты, которые совпадают или близки к русским, в то время как другие в этих отношениях структурно более соответствуют стандартному украинскому языку. Эти случаи представляют особую проблему

14 Статистически значимые различия часто могут возникать при количественном анализе. Пока они не могут быть интерпретированы в теоретически обоснованной структуре, независимой от количественных показателей, они не имеют значения, как объясняется во вводных главах каждого учебника по статистике.

15 Соответствующие параметры Marginal R² / Conditional R² составляют: (а) для приставок в Центре 0,662/0,739 (N=528), на Юге 0,352/0,735 (N=578), (b) для предлогов в Центре 0,962 / N.A. (N=142), на Юге 0,427/0,830 (N=188). Соответствующий анализ (GLMM) был рассчитан в пакетах R lme4 и Rcpp.

для вопроса о том, какие характеристики суржика, широко распространенного в Украине украинско-русского смешанного разговорного варианта, восходят к украинскому или русскому языку. Предыдущее наше исследование (Hentschel, Palinska 2022a) касалось структурного феномена с той же общей проблематикой, конкретно – распределения вариантов окончаний инфинитива: с одной стороны, укр. *-ти* (то есть /ti/), которое присутствует в литературном украинском и многих диалектах, и, с другой стороны, русское *-ть*, которое в той же форме также присутствует во многих украинских диалектах. Таким образом, в случае инфинитива речь шла о вариантах флективно-морфологического окончания, в данном исследовании – о словообразовательном средстве, приставке, и омонимичном ей синтаксическом маркере, предлоге.

В обоих случаях на основе обширного корпуса смешанной речи (суржика) и с использованием количественных методов, учитывающих как языковые, так и структурные аспекты, была разработана процедура, выявляющая общие тенденции обозначенной проблемы. Речь идет об экспликации вероятностей того, при каких условиях определенное структурное свойство, которое некоторые украинские диалекты разделяют с литературным русским языком, должно быть оценено на современном этапе как украинский диалектизм или как русизм, что в конечном счете также позволяет дать общую оценку важности двух источников явления.

Общий вывод одинаков для всех трех феноменов: «однозначно украинский» вариант, т.е. окончание /ti/ инфинитива, а также приставка и предлог /vid(-)/, употребляется в суржике преимущественно в тех областях украинского языкового ареала, в которых именно этот вариант явно присутствует в соответствующих диалектах. Четкое соответствие между украинским стандартом и украинскими диалектами стабилизирует эти элементы. Примечательно, что эти территории относятся к тем, для которых, согласно (Hentschel, Taranenko 2021), описана очень сильная позиция украинского языка: они находятся в основном на западе изучаемой территории (т.е. на западе центральной Украины), исключая северные приграничные с Беларусью и Россией районы.

С другой стороны, там, где в украинских говорах явления присутствуют исключительно или преимущественно в варианте, соответствующем литературному русскому языку, суржик использует именно эту форму. Поскольку это часто районы, в которых русский язык был традиционно широко распространен (ср. Hentschel, Taranenko 2021), нельзя сказать *grosso modo*, восходит ли описываемый факт к влиянию украинских диалектов или русского языка. В духе того, что Кузнецова (Kuznécova 1999) утверждала несколько десятилетий назад, у одних говорящих дело в первом, а у других – во втором. Для разъяснения этого языковое поведение или идиолект индивидуумов также должны были бы быть сопоставлены с учетом языковых биографий, что

является задачей для следующего исследования. Наш материал позволяет утверждать, что одно и то же структурное явление, например инфинитив на /-t'/ или приставка или предлог *от*, может не только быть украинским диалектизмом у одного говорящего, а русизмом у другого, но что эти явления иногда могут рассматриваться даже у одного и того же говорящего иногда как диалектизм, иногда как русизм. Подобно широкой социальной вариации, эта индивидуальная вариация не хаотична, а вероятно связана с условиями ко-текста, а также социального и регионального контекста. Однако вероятностные закономерности употребления являются предпосылками стабилизации, т.е. формирования, если угодно, «правил». Каков был «первоначальный» источник, русский язык или украинский диалект, на самом деле не так уж существенно. Если в субстандарте, социолингвистически расположенном между автохтонными диалектами и литературным языком (языками), т.е. представляющем мезолект, представлен определенный вариант, общий для (социально доминирующего) литературно-языкового акролекта и диалектного базилекта, в городских районах скорее имеет место первое, в сельской местности – второе, но это не более чем нормальный случай.

Вариант в двух исследованиях, совпадающий с русской формой или очень похожий на нее, преобладает и в тех частях исследуемой территории, где диалектное распределение диффузное. Вариант этот может быть в одном диалектном ареале преобладающим, но не исключительным, во втором – находиться в количественном равновесии с однозначно украинской формой (м.б., с различиями между микро-ареалами, напр., соседними селами), или последняя даже преобладает. В таких ареалах надо полагать, что влияние русского языка является решающим. Иными словами, если форма, близкая к русской, присутствует и в не-русских идиомах, т.е. здесь в диалектах, ее усваиваемость выше. Или, другими словами, если в данном ареале украинские диалекты и украинский литературный язык «абсолютно» согласуются, у русского языка нет шансов влияния на суржик. Такое положение наблюдается по крайней мере тогда, когда речь идет о сильно связанных, зависимых средствах выражения, как рассматриваемые словоизменительные окончания, приставки и предлоги.

Описанный здесь принцип некой диалектной привязки для приставки и предлога мог быть проверен в данном исследовании только в центре, так как украинская диалектология (AUM) не давала никаких сведений о южных областях (в отличие от инфинитива). Однако, поскольку эти районы относятся к числу районов с традиционно сильным русским языком, неудивительно, что вариант *от*, близкий к русскому языку, явно предпочтительнее практически во всех местах опроса. Поскольку южные районы не представляют собой автохтонный украиноязычный (точнее, даже славяноязычный) ареал, как центральные области, особенно расположенные к западу от Днепра, в любом случае сильной диалектной связи ожидать не приходится. В этой области,

которая была заселена украинцами и русскими только в XIX в., распространение старых диалектов носит диффузный характер.

Конечно, не было найдено абсолютно константного распространения или употребления двух окончаний инфинитива и двух вариантов приставки и предлога, даже в двух выявленных субареалах с преобладанием чисто украинского варианта или варианта, близкого к русскому. Литературные украинский и русский языки все еще используются на всей территории исследования, с региональными различиями (Hentschel, Taranenko 2021). В таких случаях на стабилизированное смешивание может наслаиваться спонтанное смешивание в конкретном акте речи (Auer 1999). Т.е. и то, и другое все же может влиять на конкретные случаи смешанной речи: это постоянный источник варьирования. Здесь подчеркивается актуальность второго принципа для всех трех рассмотренных феноменов: тенденции к «морфолого-этимологической конгруэнтности» между инфинитивным окончанием, а также приставкой / предлогом, с одной стороны, и ко-текстом (основа / корень для окончания и приставки или управляющая единица для предлога) – с другой. Относительно первых двух речь идет об отношениях к корню или основе словоформы, в то время как в случае предлога это отношение к слову более высокого уровня или соответствующей словоформе: если этот элемент больше похож на украинский или русский, проявляется тенденция, что с зависимым элементом это тоже так.

Иногда становится заметно слабое отношение других критериев к «выбору» между двумя соответствующими вариантами. Обычно их можно объяснить местной спецификой, и в общем плане ими можно пренебречь.

Мезолект в динамичном современном обществе, тем более в двуязычном, конечно, никогда не будет таким стабильным, как литературный язык или, в двуязычных странах, литературные языки, стабильность которых является результатом кодификации и социального установления, например, посредством обучения в системе образования. Старые деревенские диалекты выявляют низкую степень варьирования из-за низкой мобильности их носителей в прошлом. Мезолекты как субстандарты с социальной, а отнюдь не только «специфической для определенных слоев» обусловленностью будут все быстрее и быстрее реагировать на социальные и политические изменения и, таким образом, оставаться в высокой мере изменчивыми, динамичными. Там, где старые диалекты еще не исчезли полностью, мезолекты всегда будут отражать диалектный субстрат. Обсуждаемые здесь явления являются свидетельством редукции изоглосс в диалектном пространстве, т. е. так называемого «диалектного выравнивания» под влиянием литературных языков. Коротко говоря, суржик как мезолект существует в форме континуума региональных вариантов.

В данном случае здесь следует выразить надежду на то, что языковое внутреннее развитие в Украине, будь это на уровне базилектов, мезолекта или литературного акролекта, будет и в дальнейшем совершаться на основе самоопределения населения Украины. Надеемся, что нигде в Украине не будет условий для насильственной «деукраинизации», которую поставил своей целью режим в Кремле в духе возвращения империалистической политики XIX в. и которая уже видна на оккупированных российской армией украинских территориях.

Литература

- AUER P., 1999, *From Codeswitching via Language Mixing to Fused Lects: Towards a Dynamic Typology of Bilingual Speech*, „International Journal of Bilingualism” 3/4, s. 309–332.
- AUM: *Atlas ukraïns'koï movi*, t. 1: Polissâ, Naddnîprânšîna i sumîžni zemli, Kiïv 1984, t. 2: Volin', Naddnîstrânšîna, Zakarpattâ i sumîžni zemli, Kiïv 1988, t. 3: Slobožanšîna, Doneččina, Nižnâ Naddnîprânšîna, Pričornomor'â i sumîžni zemli, Kiïv 2001.
- BEVZENKO S.P., 1980, *Ukrains'ka dialektologîâ*, Kiïv.
- BILANIUK L., 2005, *Contested Tongues: Language Politics and Cultural Correction in Ukraine*, Ithaca – New York.
- BILANIUK L., 2018, *Purism and Pluralism: Language Use Trends in Popular Culture in Ukraine since Independence*, „Harvard Ukrainian Studies” 35, no 1–4, s. 293–309.
- BRACKI A., 2009, *Surżyk. Historia i teraźniejszość*, Gdańsk.
- BRÏCIN V., SAPLÏN Ŭ., TRUB V., 2011, [rec.] S. Del Gaudio, *On the Nature of Surżyk: a Double Perspective*, „Movoznavstvo” 3, s. 91–92.
- BÜHL A., 2019, *SPSS. Einführung in die moderne Datenanalyse ab SPSS 25*, vyp. 16, Hallbergmoos.
- DEL GAUDIO S., 2010a, *On the Nature of Surżyk: a Double Perspective*, München.
- DEL' GAUDIO S., 2010b, *Vzaëmodiâ miž suržikom ta dialektami*, „Mova i kul'tura” 13/8 (144), s. 136–147.
- GRAK: M. Švedova, R. fon Val'denfel's, S. Ârigîn, A. Risin, V. Starko, T. Nikolaenko et al., *General'nij regional'no anotovaniy korpus ukraïns'koï movi (GRAK)*, Kiïv – L'viv – Êna 2017–2022, [on-line:] uacorp.us.org.
- GREČKO D., PALINSKA O., 2019, *Slovoobrazovanie v belorussko-russkoj i ukrainsko-russkoj smešannoï reči*, „Linguistica Copernicana” 16, s. 311–335.
- HENTSCHEL G., 2018, *Die weißrussische „Trasjanka” und der ukrainische „Surżyk”: grundlegende quantitativ-qualitative soziolinguistische Ähnlichkeiten und Unterschiede*, [w:] S. Kempgen, M. Wingender, L. Udolph (red.), *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress Belgrad 2018*, „Die Welt der Slaven. Sammelbände. Sborniki”, t. 63, Belgrad, s. 127–138 (russ. versiâ: Belorusskaâ „trasânka” i ukraïnskij „suržik”: ob osnovnyh različiâh v stepeni vliâniâ russkogo âzyka, „Przegląd Rusycystyczny” 2018, no 2 (162), s. 189–206).
- HENTSCHEL G., PALINSKA O., 2022a, *Restructuring in a Mesolect: A Case Study on the Basis of the Formal Variation of the Infinitive in Ukrainian-Russian „Surżyk”*, „Cognitive Studies | Études cognitives”, 22, article 2770. <https://doi.org/10.11649/cs.2770>.

- HENTSCHEL G., PALINSKA O., 2022b, *The Linguistic Situation on the Ukrainian Black Sea Coast – Ukrainian, Russian and Suržyk as „Native Language”, „Primary Code”, Frequently Used Codes and Codes of Linguistic Socialization During Childhood*, „Russian Linguistics”, <https://doi.org/10.1007/s11185-022-09259-4>.
- HENTSCHEL G., REUTHER T., 2020, *Ukrainisch-russisches und russisch-ukrainisches Code-Mixing. Untersuchungen in drei Regionen im Süden der Ukraine*, „Colloquium: New Philologies” 2 (5), s. 105–132.
- HENTSCHEL G., TARANENKO O., 2015, *Die Sprachenlandschaft der zentralen Ukraine: Ukrainisch, Russisch, ‘Suržyk’. Verwendung – Kompetenz – nationale Positionierung*, „Die Welt der Slaven” LX, s. 248–275 (ukr. versiâ: *Movnij landšaft Central'noi Ukraïni: ukraïns'ka mova, rosij's'ka mova, „suržik” (uživannâ – movna kompetenciâ – nacional'ne pozicionuvannâ)*, „Movoznavstvo” 4, s. 3–25).
- HENTSCHEL G., TARANENKO O., 2021, *Bilingualism or Tricodalism: Ukrainian, Russian and „Suržyk” in Ukraine. Analysis and Linguistic-Geographical Mapping*, „Die Welt der Slaven” LXVI, s. 268–299.
- HENTSCHEL G., ZELLER J.P., 2017, *Aspekte der Sprachverwendung in zentralen Regionen der Ukraine*, „Wiener Slavistischer Almanach” 79, s. 37–60 (ukr. versiâ: *Movi i kodi v central'nih reğionah Ukraïni: dumki ta atitûdi*, „Sociologîâ: teoriâ, metodi, marketing” 1, s. 103–127).
- HORBATSCH O., 1988, *Das ukrainisch-russische Sprachgemisch (‘suržyk’) und seine stilistische Funktion im Werk von Volodymyr Vynnyčenko und Oleksander Kornijčuk*, [w:] *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia, Köln – Wien*, s. 25–41.
- HYBRID.: *Hybridisierung von zwei Seiten: ukrainisch-russisches und russisch-ukrainisches Code mixing im Kontext der (sozio)linguistischen Situation in der südlichen Ukraine entlang der Küste des Schwarzen Meers* (Projektbeschreibung), [on-line:] <https://uol.de/slavistik/forschung/sprachwissenschaft/hybridisierung-von-zwei-seiten/publikationen-zum-projekt-hybridisierung-von-zwei-seiten>.
- KUZNEČOVA T.V., 1999, *Mova bilingval'noi šim'î u funkcional'nomu aspekti*, dissertaciâ kandidata filologičeskih nauk.
- MASENKO L., 2011, *Suržik: miž movoû i âzikom*, Kïv.
- MENZEL T., HENTSCHEL G., 2015, *Zum Einfluss des Russischen auf die Flexionsmorphologie der weißrussisch-russischen und ukrainisch-russischen gemischten Rede*, „Wiener Slavistischer Almanach” 75, s. 123–158.
- MENZEL T., HENTSCHEL G. (red.), 2017, *Flexionsmorphologische Irregularität im innerslawischen Sprachkontakt. Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs. Weißrussisch/Ukrainisch – Polnisch vs. Kaschubisch/Lemkisch*, Frankfurt am Main.
- MOZER M., 2016, „Suržik” či „suržiki”? „Ukraïns'ka mova” 1, s. 27–54.
- RSTUDIO TEAM, 2020, *RStudio: Integrated Development for R*. RStudio, PBC, Boston, MA, [on-line:] <http://www.rstudio.com/>.
- ŠIMOVIČ V., 1918, *Praktična gramatika ukraïns'koï movi: dlâ samonavčannâ ta v dopomogu škil'nij nauci*, 2 vidannja z odminami j dodatkami, Kïv – Lâjpcig.
- STAVYCKA L., 2014, *Ein Blutschandekind der Postmoderne*, [w:] G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (red.), *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?*, Frankfurt am Main, s. 343–370.

VARIAB.: *Variabilität und Stabilität im gemischten Substandard im extensiven und zeit-stabilen Sprachkontakt: der ukrainische Suržyk zwischen Ukrainisch und Russisch (im Vergleich mit der weißrussischen Trasjanka)* (Projektbeschreibung), [on-line:] <https://uol.de/slavistik/forschung/sprachwissenschaft/drittmittelprojekte/variabilitaet-und-stabilitaet-im-gemischten-substandard-surzyk/surzyk>.

ŽILKO F.T., 1955, *Narisi z dialektologiji ukrains'koj movi*, Kiïv.

ŽOVTOBRÛH M.A., KULIK B.M., 1965, *Kurs sučasnoj ukrains'koj literaturnoj movi*, Kiïv.

ŽOVTOBRÛH M.A., RUSANÏVS'KIJ V.M., SKLÄRENKO V.G., 1979, *İstoriâ ukrains'koj movi. Fonetika*, Kiïv.

Regional Properties in Ukrainian-Russian Mixed Speech (Surzhyk) and the Influence of Dialects: Prefixes and Prepositions *vid / ot* Abstract

Ukrainian surzhyk is a form of mixed Ukrainian-Russian code influenced not only by standard dialects of Ukrainian and Russian, but also by Ukrainian dialects. In the analyses of the kind and intensity of the influence of Ukrainian or Russian on surzhyk, particularly problematic are the cases in which a given structural phenomenon occurs in some Ukrainian dialects and in the standard language, while in other dialects it is identical or very similar to the phenomenon occurring in Russian. Examples of such language units include the prefixes and *vid / ot* prepositions discussed in this article. Based on the corpus material, in this study the authors used quantitative methods to present the possibility to differentiate the basic tendencies that determine the way and scope of dialectal influences and both standard languages (Ukrainian and Russian). The main conclusion from the analyses of this linguistic phenomenon is the observation according to which a variant originating from the standard Ukrainian language is only preserved in those areas of using surzhyk in which only such variant occurs. In the regions in which both variants occur dialectally, or only the variant identical to Russian occurs, the latter is preserved. In general, it means that in Ukrainian-language areas variants of synonymical forms are reduced in the process of dialect-levelling in surzhyk as a mezolect.